

**ШАНХАЙСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА:
ВЫЗОВЫ, ДОСТИЖЕНИЯ, ПЕРСПЕКТИВЫ**

DOI: 10.20542/2307-1494-2021-1-197-203

ШОС в системе безопасности Евразии:
проблемы многостороннего
взаимодействия. Ред.-сост. Л.Е.Васильев.
– М.: Институт Дальнего Востока РАН,
2020. 240 с.

В представляемом сборнике статей, подготовленном сотрудниками Института Дальнего Востока РАН, анализируются региональные аспекты международной безопасности и интеграционного сотрудничества применительно к обширным пространствам Восточной и Южной Евразии. Безопасность современного миропорядка все больше приобретает мозаичную структуру, когда в рамках отдельных регионов формируются не только межгосударственные объединения, ориентированные на поддержание стабильности, но и складывается специфическая культура взаимодействия в сфере безопасности, определяемая историческими, культурно-цивилизационными, геополитическими и иными факторами. Несомненно, одним из наиболее значимых свидетельств переформатирования евразийского пространства стало образование Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). Вопреки первоначальному скепсису немалой части экспертов, эта организация стала одним из наиболее динамичных и устойчивых региональных межгосударственных объединений XXI века.

Сборнику статей как жанру коллективного научного поиска присущи многоаспектность анализируемых сюжетов и разнообразие исследовательских подходов и оценок, которые не всегда можно свести к общему знаменателю. В результате создается объемное, панорамное видение общей проблематики.

Представленные в сборнике статьи условно можно отнести к двум группам, определяемым предметом анализа. К первой группе относятся работы, в которых рассматривается сфера «большой политики» (взаимоотношения мировых и региональных лидеров, выстраивание механизмов и институтов региональной интеграции, согласование конкурирующих внешнеполитических и экономических проектов). Вторая группа статей сосредоточена на более приземленных, частных сюжетах, во многом определяющих содержание двух- и многосторонних межгосударственных отношений в рамках Шанхайской организации сотрудничества.

В статье ответственного редактора сборника С.Г.Лузянина взаимодействие России и Китая анализируется в качестве основополагающего фактора обеспечения безопасности на обширных пространствах Евразии. Две ведущие державы ШОС рассматриваются как естественные союзники в интеграционных процессах в Евразии, сближение которых во многом обусловлено усиливающимся давлением на них со стороны США и их союзников. Сложившиеся на данный момент партнерские отношения между Россией и Китаем, несмотря на «серьезную экономическую асимметрию между ними», определяются как стратегическая устойчивость сотрудничества на длительную перспективу (с. 14).

Российско-китайское взаимодействие на перспективу видится российским экспертам в качестве ключевого фактора формирования «Большого евразийского партнерства» (БЕП) как некой альтернативы торгово-экономическим взаимоотношениям со странами Запада. Усиливающееся санкционное давление на Россию со стороны США и ЕС делает все более востребованным азиатский вектор в российской внешней политике. Вместе с тем, следует быть готовым к тому, что экономические санкции способны снизить привлекательность российского рынка для бизнес-партнеров из азиатских стран.

Значительное внимание авторы сборника уделяют анализу обнародованной в 2013 г. инициативе председателя КНР Си Цзиньпина «Один пояс, один путь» (ОПОП) и ее последствий для десятков стран, в той или иной мере вовлеченных в реализацию этого мегапроекта. Поскольку данная инициатива отводит Китаю лидирующую роль в формировании новой схемы транспортных коммуникаций и выстраивании вдоль них плотных торгово-экономических связей, Россия сталкивается с задачей недопущения конкуренции двух интеграционных проектов – Евразийского экономического союза и ОПОП. При этом остается открытым вопрос о реальном наполнении настойчиво продвигаемой Россией идеи «сопряжения» ЕАЭС и «Экономического пояса Шелкового пути». Заслуживает внимания вывод С.Г.Лузянина о том, что китайская инициатива «Один пояс, один путь» вряд ли станет институционализированным проектом. Скорее всего, она сохранит нынешнее качество процесса экономического, инвестиционного, транспортного и гуманитарного освоения евразийского пространства (с. 22–23). Россия рассчитывает получать немалые дивиденды от создания нового Шелкового пути, развернув на себя глобальные торговые потоки. Однако, как представляется, растущая изоляция России в мировой политике и экономике ставит перед Китаем проблему диверсификации транспортных маршрутов через внутриконтинентальные районы Евразии, в т. ч. в обход России.

Необходимость активизации военного сотрудничества в рамках ШОС в условиях «надвигающейся внешней угрозы» обосновывается в публикации А.Ф.Клименко. По мнению автора, реалии современного миропорядка подталкивают к «военной модернизации» ШОС и усилению ее военно-политического компонента (с. 32). В частности, речь идет о заключении договоров о взаимопомощи и формировании миротворческих сил ШОС с включением в их состав российских и китайских контингентов. Автор предлагает учредить в качестве постоянного органа ШОС координационный комитет по сотрудничеству в сфере безопасности. При этом признается неоднозначность позиций стран-участниц ШОС по вопросу о взаимодействии в сфере безопасности.

Военно-стратегическим аспектам соперничества США и Китая посвящена статья В.Б.Кашина. Основываясь на анализе китайских программ разработки стратегических вооружений, автор отмечает несоответствие между китайской публичной риторикой по вопросам развития ядерных вооружений и реальной политикой китайского правительства (с. 158). В.Б.Кашин делает предположение о том, что КНР «стремится превратиться в великую ядерную державу, обеспечив свою военную неуязвимость в течение следующего десятилетия».

В.Е.Петровский рассматривает перспективы реализации предложенной Россией идеи «Большого евразийского партнерства», характеризуя ее как флагманскую российскую инициативу по развитию евразийской интеграции. Концепция «Большого евразийского партнерства», озвученная Президентом РФ В.В.Путиным в 2015 г., по сути, является реакцией на китайскую инициативу «Один пояс, один путь». Как отмечает Петровский, идея БЕП призвана гармонизировать

различные региональные экономические форматы на основе принципов транспарентности и взаимной выгоды (с. 60). Ключевым фактором реализации БЕП, по мнению автора, является сопряжение евразийской экономической интеграции в рамках ЕАЭС и китайской инициативы «Пояса и пути». При этом ШОС рассматривается как наиболее перспективная институциональная основа для такого сопряжения. Взаимодействие России и Китая рассматривается В.Е.Петровским в качестве базового условия формирования системы безопасности на региональном и глобальном уровнях. Показательно, что в Китае выдвигаются предложения обеспечить безопасность трансграничных инфраструктурных и производственных объектов «Экономического пояса Шелкового пути» (ЭПШП) силами китайских частных военных и охранных компаний. По мнению российского эксперта, эта задача должна решаться не за счет привлечения частных военизированных структур, а на основе сотрудничества и координации политики на межгосударственном уровне, прежде всего, политики КНР и РФ.

Серьезное внимание авторы рецензируемого сборника уделили возможным последствиям расширения ШОС после принятия в организацию в 2017 г. в качестве полноправных членов Индии и Пакистана. Пополнение рядов ШОС столь весомыми игроками дает основания для утверждений относительно «качественного и количественного усиления ШОС на евразийском пространстве» (с. 27). Как отмечают российские эксперты (в частности, С.Г.Лузянин), появилось обновленное политико-экономическое ядро ШОС в лице большой тройки Россия–Индия–Китай. Однако только время покажет, насколько это ядро окажется дееспособным, учитывая груз нерешенных проблем в индийско-китайских отношениях.

Внутриполитическим и межгосударственным аспектам безопасности в рамках ШОС посвящена информационно насыщенная статья Л.Е.Васильева. Среди экспертов нет единодушия в оценках последствий расширения ШОС за счет вступления в организацию Индии и Пакистана. Возможен сценарий сдерживания и умиротворяющего воздействия ШОС на конфликтный потенциал индийско-пакистанских отношений, но вместе с тем не следует исключать вариант определенного дистанцирования структур безопасности ШОС от острых конфликтов между участниками организации, особенно в фазе вооруженного противостояния. Приводимые в статье Л.Е.Васильева данные свидетельствуют о глубине межгосударственных индийско-пакистанских противоречий, а также о структурированности и массовой поддержке действующих в регионе сепаратистских и военизированных религиозно-политических группировок. По мнению автора, «проблема сепаратизма в регионе должна решаться посредством внедрения принципов автономии и федерализма, путем последовательного образования автономных административных единиц преимущественно по языковому или религиозному принципу» (с. 53). События, связанные с исключением в 2019 г. из конституции Индии статьи, наделявшей особым статусом штат Джамму и Кашмир (предмет давнего спора между Индией и Пакистаном), свидетельствуют о том, насколько непростым для реализации является данный вариант разрешения этноконфессиональных конфликтов в регионе. Лишь время покажет, насколько авторитет и влияние ШОС будут способствовать снижению потенциала противостояния между двумя его новыми членами.

И.Е.Денисов продолжает сюжет, связанный с возможным расширением состава ШОС. Автор анализирует состояние сотрудничества в рамках ШОС с наблюдателями и партнерами по диалогу. Трехуровневая организационная структура ШОС (государства-члены, наблюдатели, партнеры по диалогу)

продемонстрировала свою эффективность, позволяя расширять «внешний контур» организации. Вместе с тем автор отмечает консервативность подхода участников к взаимодействию с наблюдателями и партнерами по диалогу, предполагающую сохранение базовой основы ШОС («шанхайского духа»).

Еще одним фактором, дестабилизирующим региональную систему безопасности в зоне ответственности ШОС, остается Афганистан. События, развернувшиеся вокруг афганского урегулирования после выхода данного сборника, лишь подтвердили обоснованность суждения Л.Е.Васильева о том, что нынешняя ситуация в Афганистане удивительно напоминает обстановку в этой стране накануне вывода советского военного контингента в конце 1980-х годов.

Афганское направление в политике Китая, рассматриваемое в статье В.И.Баланкина, приобретает дополнительную актуальность в свете анонсированного вывода американского военного контингента из этой страны к сентябрю 2021 г. В случае сворачивания американского военного присутствия в Афганистане перед Китаем открываются дополнительные возможности для реализации собственной версии урегулирования афганского кризиса и усиления своих позиций в этой стране.

Следуя сложившейся стратегии в отношении центральноазиатского региона, Китай делает упор на экономические формы умиротворения Афганистана за счет «расширения китайско-пакистанского экономического коридора в сторону Афганистана» (с. 209). По сути, речь идет о вовлечении Афганистана в китайский проект «Один пояс, один путь» и о превращении Китая в основного инвестора в афганскую экономику. По мнению В.И.Баланкина, усиление позиций КНР в Афганистане вполне отвечает интересам России и, напротив, является вызовом для США. При этом руководство КНР стремится осуществлять свою внешнеполитическую стратегию на афганском направлении «достаточно автономно, не связывая себя никакими серьезными обязательствами с партнерами по ШОС» (с. 217). В случае реализации планов Пекина по созданию новой транспортной инфраструктуры в Афганистане появится альтернатива северным маршрутам через территорию России, а для центральноазиатских стран откроется контролируемый Китаем проход на юг, к Индийскому океану. Таким образом, игра на афганском поле между ведущими региональными и внерегиональными игроками еще не завершена.

В статье Е.И.Сафроновой интеграционный потенциал Шанхайской организации сотрудничества рассматривается сквозь призму трудностей и рисков, порождаемых внутривнутриполитической ситуацией в государствах-членах организации. По мнению автора, одним из проблемных вопросов, осложняющих продвижение в направлении региональной интеграции, является «перманентный дефицит» полномочий Шанхайской организации сотрудничества. Так, ШОС оказалась бессильной перед очередным резким осложнением индийско-пакистанских отношений в начале 2019 г. Причину этого Е.И.Сафронова видит в отсутствии в рамках ШОС не только соответствующих структур, способных нейтрализовать внутривнутриорганизационные трения, но и процедур урегулирования внутренних споров. В результате очередной кризис в отношениях между Индией и Пакистаном был преодолен за счет параллельных двусторонних контактов без непосредственного участия ШОС. Вооруженные столкновения в районе таджикско-киргизской границы в Ферганской долине в апреле 2021 г. вновь актуализировали вопрос об эффективности посреднической функции ШОС при разрешении конфликтных ситуаций, необходимость которой отмечается российским экспертом. Впрочем, не исключено, что отстраненность ШОС от непосредственного вмешательства в

межгосударственные споры или внутривластные конфликты имеет под собой вполне рациональную мотивацию, которая заключается в нежелании расшатывать базовую конструкцию ШОС рекомендациями или принятием обязывающих решений, способных вызвать недовольство вовлеченных в конфликтные ситуации сторон.

Е.И.Сафронова критически оценивает уровень и формат экономической интеграции в рамках Шанхайской организации сотрудничества. По мнению автора, экономическое сотрудничество между государствами-членами ШОС осуществляется преимущественно на двусторонней основе, что размывает принцип коллективности в хозяйственной сфере функционирования ШОС. Между центральноазиатскими государствами разворачивается конкуренция за доступ к китайским финансовым и технологическим ресурсам. Отмечаются также различия подходов Китая, России и стран Центральной Азии к созданию зон свободной торговли (ЗСТ) (с. 74). Идея об образовании ЗСТ, активно продвигаемая Китаем, вызывает настороженную реакцию со стороны других членов ШОС, опасющихся «мощной товарной конкуренции Китая».

Обращает на себя внимание тезис Е.И.Сафроновой о «разновекторности политико-экономических предпочтений» государств-членов ШОС. Автор делает вывод о том, что ориентация на Россию сейчас «не актуальна» для большинства участников ШОС и Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Исходя из критической оценки Сафроновой уровня функциональности ШОС после расширения числа полноправных членов организации до восьми, логичным выглядит ее предложение о замораживании нынешнего состава ШОС на семь–десять лет.

В.А.Матвеев анализирует энергетические аспекты экономической безопасности стран-членов ШОС. Наличие в составе организации как ресурсодобывающих стран, так и крупных импортеров нефти и газа создает, по мнению автора, предпосылки для формирования в ее рамках «самодостаточного энергетического блока», что резко повысит энергетическую безопасность входящих в него государств (с. 88). Вместе с тем китайские инвестиции в добычу и транспортировку энергоресурсов в странах Центральной Азии осуществляются на китайских условиях и, как показал опыт, перед рядом центральноазиатских государств встала проблема выплаты накопленных китайских кредитов (с. 90). Приводимые в статье данные свидетельствуют о закреплении за Россией и странами Центральной Азии роли ведущих поставщиков энергоресурсов для быстро растущей (даже в условиях пандемии коронавируса) китайской экономики.

В статье Д.В.Гордиенко Китай характеризуется как новый лидер, «способный решить задачу смены парадигмы глобализации, ориентированной на исключительное право США определять параметры развития мировой экономики» (с. 100). При этом среди российских экспертов нет полной ясности относительно того, что означает «глобализация по-китайски». Тезис о наличии конкурирующих моделей глобализации неизбежно подводит к вопросу о том, какой сценарий глобальной экономической интеграции предпочтителен для России.

Исторический опыт свидетельствует о том, что более органичными для российской внешней политики являлись силовые методы реализации своих устремлений, однако современные реалии радикально расширили арсенал внешнеполитического инструментария, в т. ч. за счет использования «мягкой силы». Следует отметить, что приобретший популярность в научных и общественных кругах концепт “soft power”, сформулированный американским исследователем Дж.Наем, подвергся адаптации к историко-культурным традициям

тех или иных стран. По сути, произошла своеобразная «национализация» этого концепта, результатом которой стало выдвижение национальных версий политики «мягкой силы». В публикации Ю.В.Морозова сопоставляются российский и китайский варианты «мягкой силы». Автор признает, что если по индексу «жесткой силы» Россия занимает одно из первых мест в мире, то ее позиции в мировом рейтинге использования «мягкой силы» значительно слабее. Среди причин этого автор отмечает «критическое отношение» со стороны властных структур к расширенному применению технологий «мягкой силы» в российских реалиях. С момента выхода сборника проблематика «мягкой силы» во внешнеполитическом дискурсе РФ оказалась еще менее востребованной, а сама «мягкая сила» в ее российской версии, как представляется, постепенно утрачивает свою самостоятельную значимость, дополняя и подкрепляя силовые формы внешнеполитической практики. Инструментарий «мягкой силы» трактуется российскими экспертами как арсенал «вооружений», которые необходимо использовать в борьбе с врагами и конкурентами России (с. 174).

Китайская версия «мягкой силы», анализируемая в публикациях сборника, отличается большей, по сравнению с российской, прагматичностью и технологичностью в формировании привлекательного образа страны. Главным козырем Китая в продвижении положительного имиджа вовне являются экономические успехи страны. Кроме того, Китай позиционирует себя на мировой арене как ответственная мировая держава, открытая для культурного диалога и сотрудничества со всеми странами. При этом применяемый Пекином инструментарий «мягкой силы» («народная дипломатия», распространение китайского языка и китайской культуры через сеть Институтов Конфуция и т. д.) призван создать благоприятные условия для продвижения китайских политико-стратегических и экономических инициатив. Таким образом, китайская версия политики «мягкой силы» отличается долгосрочным целеполаганием, системностью и прагматизмом в выборе способов и инструментов наращивания культурной (наряду с военно-политической и экономической) мощи Китая. Ю.В.Морозов ставит вопрос об активизации российско-китайского гуманитарного взаимодействия, целью которого должно стать формирование единого «информационного поля» ШОС на телевидении, в прессе, на радио (с. 186). Автор присоединяется к своеобразной трактовке миссии России, заключающейся в том, что «несмотря на лишения и нужды своего народа, не жалея сил и затрат» нужно «гарантировать безопасность и стабильность в регионе, на континенте и в глобальном мире в целом» (с. 191–192).

Ю.В.Кулинцев на основе анализа четырех версий Концепций внешней политики РФ (2000, 2008, 2013 и 2016 годов) и динамики российско-китайских встреч на высшем уровне обосновывает принципиальное положение российской дипломатии о том, что «разворот на Восток» является стратегическим выбором России, рассчитанным на долгосрочную перспективу. При этом ШОС рассматривается не только как диалоговая площадка и инструмент для формирования справедливого, устойчивого и безопасного миропорядка и не только как перспективный интеграционный проект, географически охватывающий большую часть Евразии. Организации отводится также роль «платформы для отстаивания и защиты ценностных ориентиров России, препятствующей навязыванию чужих ценностей» (с. 202).

В целом, подготовленный экспертами Института Дальнего Востока РАН сборник отвечает на многие вопросы, связанные с определением места, роли и перспектив трансформации Шанхайской организации сотрудничества как

действенного механизма интеграции и согласования интересов стран-членов. Отмечая укрепление престижа и авторитета организации на мировой арене, авторы сборника не обходят стороной трудности, риски и проблемы, с которыми сталкивается эта региональная структура. Российские эксперты исходят из того, что несущим каркасом ШОС останется российско-китайское взаимодействие.

В российских концептуальных построениях относительно перспектив форматирования обширных евразийских пространств ощущается антизападная подоплека, что придает им реактивный характер. По сути, Россия в современных условиях столкнулась с новым для себя историческим вызовом со стороны Востока: теперь ей суждено пройти испытание Китаем. Стоящая перед российским экспертным сообществом задача заключается в том, чтобы предложить такие концепции, формы и механизмы сотрудничества, в т. ч. в рамках ШОС, которые позволили бы России пройти через это испытание с наименьшими для себя издержками, сохранив лидирующие позиции в качестве ведущей евразийской державы.

Олег Курныкин^{*}
Алтайский государственный университет
ORCID: 0000-0002-7424-3713
© О.Курныкин, 2021 г.

^{*} Курныкин Олег Юрьевич – доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, кандидат исторических наук.

Oleg Kurnykin is Assistant Professor, Department of World History and International Relations, Altai State University (Barnaul, Russia).